

ГЛАВА I

Я дал честное слово — никому и ни при каких обстоятельствах не сообщать тайну, ставшую мне известной. Я честный человек и до сих пор всегда держал данное слово.

Но обстоятельства складываются так, что этого честного слова сдержать я не могу. Я чувствую, что во имя интересов человечества я должен сказать все. Обстоятельства сильнее меня, и они разрывают обязательство взятой с меня клятвы.

Пусть люди судят меня. Пусть осудят, если признают виновным! Я же, нарушая клятву, делаю только то, что велит мне моя совесть.

Во избежание всяческих недоразумений и нареканий, я считаю необходимым рассказать все, мною виденное, по возможности подробно, чтобы после не оставалось ничего недосказанного, никаких недомолвок: при нормальных условиях я мог бы со временем дополнить рассказ, пояснить то, что другим может показаться не совсем понятным, неясным. Теперь же...

История моя началась самым простым и прозаическим способом: я полунемец-полуангличанин, инженер по профессии, изобретатель по призванию. Специализировался я в велосипедном и автомобильном изысканиях. Нахожусь (или, точнее, находился) на службе у известной машиностроительной фирмы «Кэннинг» в Аделаиде в Австралии, причем добился ответственного поста конструктора с солидным жалованьем и хорошей перспективой для будущего.

Если бы удалось одно дело, затеянное этой фирмой, то, по всей вероятности, я сделался бы одним из ее директоров.

В чем заключается это дело?

Думаю, тут лучше всего будет перейти к повествованию о весьма странных событиях.

Началось вот с чего.

Однажды к одному из директоров-распорядителей нашей фирмы явился один молодой человек, месье Шарль Леонар.

— Покупаю у вас велосипед с электрическим мотором.

— Отлично!

— Предлагаю сделку!

— Какую?

— Что вы мне дадите, если я на этом вашем электрическом велосипеде в одиночку доберусь от Аделаиды до Саутпорта?

— До какого это Саутпорта? — насторожился директор.

— А того... что на противоположном берегу Австралии. Прямоком по пустыне!

— Вы шутите?! Такое предприятие абсолютно невозможно!

— А я утверждаю, что возможно, и берусь доказать. Если я доберусь до Саутпорта на вашем электрическом велосипеде, вы сможете рекламировать свои машины как лучшие в мире.

— Понятно!

— Поэтому вы уплатите мне тысячу фунтов стерлингов как побившему небывалый рекорд.

— Ладно! А если вы не доберетесь до Саутпорта?

— То не получу ни гроша! И вы не тратите ничего и ничем не рискуете: ведь велосипед я покупаю на собственные деньги, авансом у вас ничего не прошу. По рукам?

— По рукам! — ответил директор.

И раньше чем успел оглянуться, Леонар уже исчез. После директор шутя рассказывал об этом визите.

— Парень или пошутил, или спятил! — пояснял он.— И я согласился на предложенную им сделку только потому, что таким путем мог от него отделаться, не обижая его. Само собой разумеется, пройти поперек австралийского материка, через пустыни, на велосипеде, да еще в одиночку, это все равно что полететь на аэроплане на Луну. Ничего из этого не выйдет!

— Какой-нибудь фокус!..

— Какой? Если этот сумасшедший вздумал бы снарядить экспедицию, то понадобился бы целый караван и прогулка обошлась бы ему в добрый десяток тысяч фунтов стерлингов, а получить он может только одну тысячу фунтов, не более десятой доли издержек. Значит, тут подвоха нет.

Поговорили и позабыли.

Около месяца спустя директор получил официальную телеграмму от администрации Макдональд-станции. Эта правительственная станция австралийского телеграфа лежит в самом сердце материка, в невероятной глуши. Чтобы добраться до нее, надо пройти через дикие места и пустыни. А за ней еще более дикие и пустынные территории.

Телеграмма однозначно удостоверяла: мистер Леонар прибыл на станцию на электрическом велосипеде фирмы «Кэннинг» и отправляется дальше.

Не приди телеграмма официальным путем, можно было бы заподозрить в этом какой-то фокус. Но тут не было никаких сомнений.

— Ухитрился-таки француз проделать путь до сердца материка! Поди доберется и до Саутпорта! — говорили у нас.

— Нет, навряд ли! Ведь именно за Макдональд-станцией начинается настоящая пустыня. Телеграфные посты расположены на расстоянии от сорока до пятидесяти миль один от другого. От станции до станции ходят курьеры раз в месяц, и то с величайшими трудностями. Когда на станции умирает кто-нибудь из служебного персонала, месяцами приходится ждать, пока на смену ему придет новый агент, потому что путешествовать там, точно по Сахаре... Ни воды, ни растительности, ни животных!.. Мертвая пустыня!.. Нет, куда же одинокому путнику на велосипеде преодолеть этот путь? А вдруг в дороге машина по какой-либо причине откажется работать? Он обречен на гибель, этот Шарль Леонар или как он там себя величает... Вот сами увидите, его дело кончено и мы о нем больше никогда и ничего не услышим!

Но директор, так скептически относившийся к рискованному предприятию молодого француза, жестоко ошибался. Через пятьдесят семь дней после отбытия Леонара из Аделаиды наша фирма получила от него телеграмму, извещавшую о его прибытии в Саутпорт. Он совершил то, что казалось невозможным: на мотоцикле нашей фирмы он пересек австралийский материк от Аделаиды до Саутпорта и установил рекорд мирового значения. Он прославил электрические велосипеды нашей фирмы на весь мир!

Естественно, когда Шарль Леонар (это было две недели спустя) прибыл пароходом в Аделаиду и пожаловал в контору «Кэннинг», ему была оказана радушная встреча.

Но как странно держался этот человек!

Казалось, его ничуть не интересуют ни банкноты (тысяча фунтов стерлингов, заработанные им в результате смелого предприятия), ни комплименты присутствующих.

— Хочу предложить вам еще одну сделку! — заявил он директору.

— Опять установление какого-нибудь рекорда! А?

— Нечто посерьезнее! Можете ли выслушать меня?

И Шарль Леонар исчез в кабинете директора, куда не допускали во время переговоров никого постороннего.

Полчаса спустя лакей передал и мне предложение пожаловать в директорский кабинет, чтобы там принять участие в экстренном совещании.

Тут я услышал показавшийся, признаюсь, мне самому маловероятным рассказ Шарля Леонара.

— После нескольких дней пути от Макдональд-станции,— рассказывал француз,— я попал в весьма затруднительные обстоятельства. Обыкновенно я следовал вдоль старой телеграфной линии от станции до станции, определяя путь по телеграфным столбам. Во время последней остановки меня предупредили, что следующий переход, один из самых больших, я не найду ни капли воды. И я взял с собой больший, чем обычно, запас воды, но зной был нестерпим и вся моя вода скоро вышла. Я рисковал подвергнуться всем невыразимым мучениям жажды. А впереди было еще много миль пути, и я сознавал, что силы мои быстро истощаются, что добраться до станции мне не удастся. Мое спасение заключалось в надежде отыскать где-нибудь в стороне от телеграфной линии хоть застоявшуюся лужу воды. Соображая по некоторым признакам (по присутствию птиц и насекомых), что я могу надеяться на успех поисков, я двинулся в пустыню.

Дальше я вкратце передаю содержание рассказа Леонара.

Несколько миль пришлось проехать, ничего не обнаружив. Но вот местность заметно оживилась. Леонар видел птиц, явно слетавшихся к одному пункту. Большинство составляли попугаи. Иные птицы описывали над тем же местом широкие круги, потом опускались стремительно вниз. Там должна была быть в изобилии вода.

И действительно, еще несколько миль — и изнемогавший от смертельной жажды путник со своим стальным конем добрался до ущелья в скалах, где увидел спасительный источник.

Но вместе с водой взорам путешественника представилось и нечто иное, чего он менее всего мог ожидать: по берегам небольшого озера или, может быть, просто застоявшейся лужи дождевой влаги валялось множество изуродованных человеческих трупов. Трупы эти принадлежали темнокожим аборигенам внутренних областей

Австралии, австралоидам. Осмотр тел показал, что все трупы принадлежали исключительно воинам, вне всяких сомнений, павшим в жестоком бою.

При первом же взгляде Шарля Леонара поразили раны, бывшие на трупах. Казалось, эти раны нанесены каким-то неведомым человеку оружием невероятной, фантастической силы. Ни одного тела, более или менее сохранившегося в целости, вокруг не было. Казалось, вся эта местность уподобилась лавке мясника, который не только убивает скотину, но и четвертует туши. Тут валялось несколько явно одним ударом отрубленных голов, лежали два трупа, буквально перерубленные по поясу пополам, здесь валялась отсеченная у плеча рука, там пара ног, а в другом месте — тело высокого и сильного воина могучего сложения, разрубленное, как топором мясника, от темени до таза.

Всего трупов аборигенов Шарль Леонар насчитал восемнадцать. Несколько в стороне лежал и девятнадцатый труп, тело человека, устроившего здесь ужасную, не поддающуюся описанию бойню, искромсавшего в куски своих черных врагов.

Желал бы я знать, что почувствовал Шарль Леонар, увидев труп этого истребителя аборигенов!

Быть сыном двадцатого века, века электрических машин, кинематографа, радия, скорострельного оружия, динамита, аэропланов, находиться в сердце Австралии и увидеть в двух шагах от себя двойника средневековых рыцарей, человека, с ног до головы закованного в латы, вооруженного огромным так называемым двуручным мечом и кинжалом для добивания врагов, носившим у крестоносцев имя мизерикордиа!

Но не это вооружение давно прошедших дней поразило француза: он положительно остолбенел, заметив, что лежавший пред ним труп латника обладал огромными размерами. Это был настоящий великан, высотой, по крайней мере, в полтора человеческих роста.

По некоторым признакам, о которых распространяться считаю излишним, Шарль Леонар заключил, что побоище между великаном-панцирником и темнокожими аборигенами разыгралось совсем недавно, всего несколько часов тому назад. Тела еще не подверглись разложению. В воздухе, казалось, еще держался приторный запах пролитой крови. Каким образом были убиты темнокожие, для француза

было ясно: их отправил на тот свет колоссальный меч гиганта. Но как окончил свой век сам странный обитатель Центральной Австралии? С трудом Леонар снял с головы спящего вечным сном великана металлический шлем удивительно тонкой работы и увидел по-своему красивое загорелое лицо. У убитого были голубые глаза и светло-русые волосы, как у потомка англосаксонской расы.

Тут открылась причина смерти гиганта: на лице и на голове его виднелись следы жестоких ушибов и ран с раздробленными костями.

Имея в виду, что шлем панцирника не носил ни малейших следов повреждений, оставалось предположить, что неведомый воин подвергся нападению темнокожих аборигенов в то время, когда или не успел еще закончить свое вооружение, или, быть может, по неосторожности снял с головы стальной шлем. Аборигены, по всей вероятности, считаясь с невозможностью нанести вред врагу, защитившему все свое могучее тело панцирем, направили все удары на лицо и голову и достигли цели: воин погиб, хотя и не моментально. Он успел расправиться с нападавшими, истребив их всех при помощи своего массивного меча, но потом и сам изнемог и свалился на пропитанную кровью аборигенов землю на берегу озера.

Вот при осмотре вооружения павшего в бою с черными пигмеями великана и бросилось в глаза Шарлю Леонару нечто удивительное.

Когда он попробовал взять огромный двуручный меч гиганта, этот меч оказался невероятной тяжести. Шарль Леонар, человек, отличавшийся атлетической мускулатурой, с трудом смог поднять меч, а не то чтобы орудовать им. И это, принимая во внимание величину меча, было вполне естественным.

Но зато, когда он взял в руки шлем, огромный металлический шлем, этот последний оказался легким как перышко. Он весил не более полутора или двух фунтов!

Взял Леонар кривой кинжал гиганта и установил тот же факт, то есть невероятную легкость этого предмета, близкую к невесомости. Под руку ему подвернулся еще небольшой нож великана. Также фантастически, прямо-таки невероятно легкий.

Что сделал Леонар?

Он наполнил водой свой запасный резервуар, сунул в багаж кинжал, за пояс заткнул нож, уселся на своего стального коня и отправился в путь. Хотелось ему захватить и шлем великана, но он оказался слишком

громоздким.

Другой на его месте, добравшись до ближайшего обитаемого цивилизованным человечеством пункта, надо полагать, проболтался бы так или иначе о виденном. Шарль Леонар никому не сказал ни единого слова. Он никому не показал ни ножа, ни кинжала. Он привез эти два предмета в Аделаиду и предъявил их директору нашей фабрики, рассказав ему вкратце свою фантастическую историю.

Директор как деловой человек быстро сообразил всю важность полученных сведений и сейчас же созвал технический совет из высших служащих нашего завода, чтобы коллективно обсудить происшедшее. Не трудно представить себе, что за сим последовало: прежде всего нож Леонара был подвергнут всесторонним исследованиям, которые поручили видным ученым. Кто именно производил эти исследования, для меня осталось неизвестным: прodelывались они в величайшем секрете. Но мне известны результаты, и их я сообщу.

Как известно, удельный вес стали равняется семи. Удельный вес того странного металла, из которого был выделан нож, ненамного превышал единицу, так что нож в воде хоть и медленно, но тонул, а стоило добавить в воду немного соли — нож плавал в этом растворе, как пробка.

И при этой фантастической легкости металл отличался прямо-таки невероятной крепостью, твердостью: кончиком ножа можно было без труда производить царапины на поверхности не только стекла, но и алмаза. Стекло резалось этим оружием как мягкое дерево. Пробовали выяснить действие различных кислот, оказалось, что металл обладает свойством сопротивляться всем известным реактивам. Испытание на плавкость показало, что даже из пламени гремучего газа металл выходит целым, не подвергаясь ни малейшему изменению.

Всем и каждому известны бытующие в мире легенды о существовании особо острых клинков. Говорят, что японские старинные мастера знали секрет изготовления таких мечей, что плывущий по слабому течению огурец, натываясь на лезвие, не останавливался, а распадался, разрезанный неподвижно стоящим клинком. Герой мусульманского мира, султан Египта Саладин, обладал будто бы кинжалом, выдерживавшим следующее испытание: положив кинжал лезвием горизонтально, с некоторой высоты пускали кусок тончайшей, легкой, как пушинка, газовой ткани. И, прикоснувшись на лету к лезвию

кинжала, ткань оказывалась разрубленной.

Проверить подобные легенды нет возможности: в руки ученых еще ни разу не попадалось отличающееся указанными свойствами оружие, так что позволительно сомневаться в его существовании.

Но доставленные Леонаром кинжал и нож отличались поистине чудесной остротой. Так, на моих глазах большая полоса закаленной стали, положенная на наковальню, была перерублена кинжалом с одного удара, словно ствол бузины. А при осмотре лезвия после этого на нем не оказалось ни малейшего следа. Мы брали колоду игральных карт и протыкали ее легким напором острия кинжала. Клинок входил в эту массу бумаги, как в тесто, словно не встречая ни малейшего сопротивления.

Исследование кинжала и ножа под микроскопом повергло всех в полное изумление. В обществе говорится: «Это остро, как лезвие бритвы».

Но возьмите самую лучшую бритву, рассмотрите ее лезвие под микроскопом, вы увидите рваную зубчатую линию. Возьмите иголку, и под микроскопом вы увидите ее острие в виде тупого бугорчатого кончика крайне неправильной формы.

А когда я лично смотрел в микроскоп на кончик кинжала, он казался мне математически правильным. Единственное, с чем я рискнул бы сравнить его по тонкости и правильности, это с жалом осы, самым страшным оружием, которое создала природа. То же самое отметил я и при рассмотрении лезвия под микроскопом.

Оставалось подвергнуть странное, загадочное оружие испытанию на излом. Для этого, как известно, на современных металлургических заводах применяются особые и довольно сложные машины.

При этом испытании клинок ножа выдержал напряжение в два с лишним раза большее, чем выдерживает ковкое железо. Потом — «кряк!» — клинок сломался. И тут мы опять наткнулись на одно явление, дававшее разгадку кое-чему, но одновременно вызывавшее целый ряд новых недоуменных вопросов.

Оказалось, что клинок состоял из...

Да, представьте себе!

Внутри было сухое, пористое, чрезвычайно легкое дерево, не отличавшееся особой крепостью. Этот, так сказать, корпус был, словно лигатурой, покрыт тончайшим слоем металла.

В общем, в разрезе излома поверхность загадочного металла не превышала 0,35 миллиметра. И с этой почти микроскопической поверхностью клинок выдерживал чудовищное давление, когда мы испытывали его на излом!

Это граничило с чудом!

Но наш век в чудеса плохо верит. Мы, техники, скептики по призванию, и всему ищем объяснения на научном основании. Разумеется, волшебства тут никакого не было. Просто-напросто мы имели дело с веществом, назовем его металлом, еще неведомого состава, «икс-металлом», отличающимся известными свойствами от других металлов. Вот и все.

Но именно это отличие являлось чрезвычайно важным во всех отношениях. Открытие такого материала, заслуживающее получить имя «нигилита» за свой крайне легкий вес, за свою близость к пресловутой «минус-материи», открывало грандиознейшие перспективы для цивилизованного мира, грозя совершенно пересоздать всю нашу металлическую индустрию, машиностроение, всю, можно сказать, современную жизнь.

Не думайте, пожалуйста, что я преувеличиваю, фантазирую!

Лучше дайте себе труд поразмыслить над возможными последствиями ознакомления человечества с нигилитом, или икс-металлом. Представьте себе, что мы строим из нигилита военное судно. Нынешние дредноуты обладают броней колоссальной величины, а бронебойные и фугасные снаряды все же ухитряются пронизывать и разрывать эту броню. Наш дредноут из нигилита будет обладать броней в два-три дюйма, и этого будет достаточно, чтобы ядра беспомощно разбивались при ударе об эту броню, как разбивается бутылка тонкого стекла, брошенная о каменную стену!

Чего будут тогда стоять боевые суда всех других наций, не успевших запастись броненосцами из нигилита? Куда будут они годиться, эти суда?

На слом!

Да и то не найдется охотников их покупать, ибо сталь не будет уже нужна ни на что, выделка ее прекратится.

В Америке теперь уже строятся дома со стальными остовами в сорок восемь этажей. Будут, быть может, скоро строить и в шестьдесят этажей: крепость стали допускает это. Но здание с остовом из нигилита

можно выстроить в три, в пять раз больше, выше, ибо оно будет в семь раз легче, во много раз крепче.

Теперь чудом инженерного искусства считаются мосты с пролетами в несколько сот метров. А что вы скажете о возможности сооружения моста в одну арку, например между Дувром и Кале, моста в тридцать и сорок верст длиной, сделанного из нигилита?

И так далее. Я думаю, что приведенных примеров более чем достаточно для пояснения сказанного мною о значении для всего мира открытого Шарлем Леонаром икс-металла, или нигилита. Добавьте только, что наша фирма, «Кэннинг и компания», сразу оценила все значение известия, принесенного нам Шарлем Леонаром.

Через несколько недель после приезда Шарля Леонара в Аделаиду мы уже тронулись в путь. Мы образовали экспедицию для розысков тех стран, людей и мастерских, где добывается и выделяется нигилит.

Разумеется, экспедиция шла за счет богатейшей фирмы «Кэннинг и компания». Я являлся техническим руководителем экспедиции как инженер. При успехе мне было обещано место директора фирмы и один процент чистой прибыли. Шарль Леонар был проводником: ему тоже был обещан пай нашего предприятия. Кроме нас двоих с экспедицией шли еще несколько агентов «Кэннинг и Ко»: некий Билл Снайдер, потом Нед Карпентер, четыре механика и два чернорабочих.

Мы продвигались в сердце австралийского материка. Было начало мая — лучшее время для путешествия по внутренним областям Австралии.

Нужно ли говорить, что мы были снабжены в изобилии всем необходимым для трудного путешествия?

В моем распоряжении находилась чековая книжка фирмы «Кэннинг и Ко», и я получил инструкции:

— Ничего не жалеть, лишь бы достигнуть цели.

Если бы я пожелал, фирма позволила бы мне набрать целый отряд, создать огромный караван.

Но я считал необходимым взять только ограниченное количество людей, зато таких, на верность, опытность, выносливость и храбрость которых я мог положиться.

Ведь самым важным в нашем деле было узнать секрет, а потом сохранить узнанное в строжайшей тайне. Иначе фирма «Кэннинг» рисковала не сделаться монопольной обладательницей секрета.

Мы предполагали, по существу, произвести только предварительную разведку. Добравшись до места, где обитали люди, знающие способ выделки нигилита, мы должны были завязать с ними переговоры и немедленно поставить в известность об этом мистера Кэннинга-старшего. Передачу моего доклада Кэннингу должен был взять на себя человек, наиболее способный к странствованиям по пустыне на электрическом велосипеде, именно Шарль Леонар.

Зная, где именно искать нас, Кэннинг мог немедленно послать не только экспедицию, но и целую армию рабочих, инженеров и, если бы понадобилось, снабдить эту армию надлежащим конвоем хотя бы с кавалерией и артиллерией. Но посылать теперь на поиски нигилита такую армию, само по себе разумеется, было совершенно абсурдным: достаточно было нас самих.